

Понимание несловесных мыслительных актов не исчерпывается языком жестов – собственно «бессловесными» актами, служащими смысловым эквивалентом слова. Существуют также внутренние несловесные акты, роль которых предопределена их местом в структуре речемыслительной деятельности. Здесь и объект и субъект мысли, соединенные в одном акте, не нуждаются во внешней коммуникативной ситуации; до своего «выхода на поверхность» мысль актуализируется во внутренней речи.

Смысл несловесности раскрывается также при обращении к структурам человеческого опыта, к рефлексивным формам сознания, к совокупному опыту Я и другого, к опыту совместной духовной работы, к структурам сознания, участвующими в передаче знаний, к структурам практического интеллекта и др. Такой взгляд на несловесные мыслительные акты является определяющим в обращении к проблемам внутренней жизни человека, перманентно привлекательной для научно-философскую мысли.

Между тем нам не ясны ни механизмы, порождающие такой внутренний опыт, ни способы их артикуляции. В самом деле, какими путями формируются «аристократические манеры», «дух семьи», «профессиональная тайна», «честь мундира», «сердечные тайны», которые порождают оценки, мотивы действий и поступков и др. До сих пор не сложились развернутые концепции об институте наставничества, о механизмах традиции. Весь этот внутренний опыт мы относим к сфере несловесности, расширяя тем самым исходное представление до коллективных его форм. В этом случае термин «несловесность» характеризует уже не «бессилие» найти соответствующие слова, не сам факт их прямого отсутствия, а более сложные когнитивные акты, связанные с формированием и развитием знаний.

Новые исследования телесности ведут к необходимости уточнения некоторых положений относительно неявного, не артикулированного знания, знания, основанного на практическом интеллекте. Отсюда проблематика рацио-

нального обоснования знания, знания, соответствующего норме – центральная для классической эпистемологии. как бы отходит для нас на второй план. И наоборот появляется исследовательский интерес к чувственно-практическому познанию, к внутреннему опыту и др. Представление об опытном знании тем самым существенно расширяется, обогащается новыми смыслами. Полагаем, что качественность и нематематизируемость внутреннего опыта, основанного на несловесных мыслительных актах, не является преградой на пути достоверного знания о реальности. Ныне в самых разных сферах познания растет понимание того, что успешная трансляция знаний предполагает не одни только рациональные средства, но и строится на основе телесных способов передачи, на разного рода умениях, сформированных в телесном опыте. Умение – это качественный прием, идеология которого строится на отказе от нормативной стратегии, на замене другой тактикой, построенной на иных принципах. К их пониманию можно подойти, основываясь на таком круге понятий, как субъективное восприятие, взаимосогласованный опыт, структуры совместного существования, единое смысловое пространство и др. О новом повороте к проблематике «телесных умений» можно судить по стремлению пересмотреть прогнозы в системе образования. Необходимость такого пересмотра вызвана новым взглядом на пути интенсификации труда. Ранее на основе прогнозирования научно-технического развития такой путь связывали лишь с экстенсивным продвижением новых технологий. Ныне начинает осознаваться необходимость и внекомпьютерной инструментальной базы труда и соответствующей кадровой политики в сфере образования (шведский опыт).

Таким образом, появление ряда новых аспектов исследования, а также новых дисциплин, изучающих язык жестов, взаимосвязь сознания и телесности, свидетельствует о расширении пространства изучения несловесности.

Понимание значимости человеческой телесности выразилась в появлении самых разнообразных направлений исследования, составивших даже отдельную нишу «фило-

софию телесности». Сюда примыкает проблематика и об онтологической двойственности человека (соотношение души и тела), и о пространстве телесного бытия, и о значении телесности в жизни человека и др. Столь широко понимаемая несловесность стала результатом исследований, проведенных в лингвистике, психолингвистике, коммуникативной психологии, философии, психопозитике и в других областях знания. Однако и поныне «глубинные уровни речепроизводства все же не доступны для объективного наблюдения»². Помимо указанного нами будет широко привлечен и другой источник аргументации – литературное наследие. В идеях, высказанных «избранными» поэтами и деятелями культуры, мы усматриваем не одну историческую ценность или «украшение текста», а средство, с помощью которого мы надеемся реконструировать возможности несловесного языка. Владея «тайнослухом» и «тайнозрением»³, эта когорта людей обладает умением «выводить на поверхность» самые тонкие струны человеческой души.

Специально оговоримся о том, чего нет в нашей книге из проблематики философии «сознание-тело»: мы не будем затрагивать классическую проблематику «сознание-мозг» (ментальное – физическое); мы не касаемся онтологического аспекта проблемы «душа-тело», со всем его кругом проблем (об абсолютной интимности, о переживаниях собственной телесности, о душевной боли, сексуальных чувствах, психических наклонностях и др.).

В книгу вошли мои работы последних лет, в которых сделана попытка рассмотреть разные формы несловесного мышления, где я также обсуждаю вопросы о выборе стратегий, построенных на разных моделях генерализации, об основаниях догматизма. Предшествующие исследования переплелись с новыми темами неведомым даже для меня самой образом. Роль практического сознания, основанного на телесности, столь фундаментальна, что дает ключ к новому пониманию ряда традиционных проблем. Мы попытались *показать* эту связь, существующую часто в неявном виде и

потому не всегда доступную для полной артикуляции и использования каузальных средств обоснования. Дальнейшая работа над темой предполагает обоснование ряда выдвинутых тезисов.

Тематика всей книги строится вокруг несловесного мышления, роль которого в коммуникативных актах одна из первостепенных. Работа состоит из трех разделов. В первом анализируются язык тела, внутренняя речь и внутренний опыт; во втором разделе поднимаются вопросы реконструкции несловесности; в третьем – рассматриваются аксиологические аспекты проблемы.

1. ТИПОЛОГИЯ НЕСЛОВЕСНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Внешние несловесные мыслительные акты

Язык тела

О том, что человеческое тело, словно зеркало, отражает внутреннюю жизнь человека, писал в знаменитом труде «Изумрудная доска» 5 тысяч лет до Рождества Христова древний мудрец Гермес Трисмегетис: «Что внутри, то и снаружи, // Что снаружи, то и внутри». Сходную мысль, совпадающую даже в словесном выражении, высказал и Гете: «Нет ничего внутри, ничто не исходит оттуда, поскольку все, что внутри – снаружи». Значение языка тела фундаментально. Недаром Л.Витшенштейн, начиная свое обоснование языковой картины мира, прямо ссылается на слова Святого Августина: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь, и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называлась именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигивания, разных телодвижений и звуков, выражающих состояния души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания»⁴.

«Языком тела» называют игру мускулов и голоса, достигаемую действиями (моторикой) как самих органов человеческого тела, так и в сочетании с предметами внешнего окружения (к примеру, хлопанье дверью, бросание предметов и др.). 9

Среди разнообразия форм языка тела принято выделять, по крайней мере, четыре системы знаков: оптико-кинестическую, паралингвистическую и экстралингвистическую, организацию пространства и времени, систему визуальных контактов. Оптико-кинестическую систему знаков образуют жесты, среди которых различают жестикуляцию – движения частей тела, мимику – движения лица, пантомимику – различные позы. Паралингвистическая система знаков – это система вокализаций, связанная с игрой голоса: его высотой, тембром, тональностью, сюда входят также паузы, темп речи, смех, покашливания и др. К системе организации пространства и времени относят размещение партнеров, к примеру, за «круглым столом», приход во время, опоздание и др. Система визуальных контактов это специфическая знаковая система, используемая в коммуникативном процессе, к примеру «контакт глаз»⁵.

Вербальный язык можно использовать или не использовать (быть временно как бы безъязыким) в зависимости от потребности и обстоятельств. К языку тела прибегают и сознательно и бессознательно. Скажем, в одном случае нужно усилить какое-то эмоциональное воздействие, в другом – требуется быстро и незаметно передать информацию и т.п. Каждому из нас известно, что по жестам, по выражению, «игре» глаз («очей немые разговоры»⁶), по походке мы совершенно отчетливо можем судить о разных эмоциональных состояниях человека, о том, что он озабочен, огорчен, болен, испытывает радость или горе, удивление, недоумение и т.д.; по одному лишь выражению лица мы сразу догадываемся о решимости человека, о его намерениях и т.п. Краска стыда или презрительный взгляд подобно речи могут открывать систему человеческой мысли и человеческой психики. Мы не существуем без языка, если даже молчим, утверждает Гадамер. Как часто одного лишь беглого взгляда бывает достаточно, чтобы «сказать многое», чтобы мгновенно «схватить» смысл происходящего, понять ситуацию и ее связь с другими контекстами и пр. А между тем для выражения всего

того потребовалось бы много слов. Смысловые возможности тембра голоса – «умоляющие», «гневные», «осуждающие» и пр., – мы с успехом используем, когда пытаемся в чем-то убедить своего адресата, когда желаем оказать на него воздействие⁷.

Итак, языка тела способен выразить мысль и чувство, настроение и желание, быть языком эмоций⁸, проводником самых разных действий: приказывать, угрожать, благодарить, сожалеть и др. Другими словами, язык жестов и мимики позволяет передавать не одни только знаки утверждения или отрицания, не одну лишь «голую» информацию, но и значительное мысленное содержание. Жесты и мимика играют роль «материальной точки опоры», в которых «опредмечена» наличная ситуация⁹. А это значит, что подобно естественному языку телесный язык способен к почти бесконечному разнообразию реакций практически на любые ситуации.

В соответствии со сказанным, язык тела точно также как и речь способен выполнить обе функции вербального языка, одна из которых «указывает на объективные факты», а другая «служит для выражения состояния говорящего»¹⁰: «тело» способно и обозначать объекты внешнего мира (напомним о знаменитом утверждении Хайдеггера об указующей роли жеста, который говорит сам и через нас говорящий), и высказать о них истинное или ложное утверждение, т.е. выполнять когнитивные функции. Н.Хомский говорит о способности языка тела выполнять дескриптивную функцию.

Итак, «тело» способно с точностью передавать мысли и испытываемые человеком чувства. Ведь телесный язык по своей изначальной природе, действительно, не способен лгать. И объясняется это прежде всего тем, что многие жесты человека возникают спонтанно, поскольку прямо связаны с речью. В силу такой корреляции следить за жестами, регулировать их проявление человек часто бывает бессилён. Именно неосознанной и спонтанной природой можно

объяснить произвольный характер языка тела: жесты и мимика «выводят на поверхность» внутренние душевные состояния человека, даже, если он намеренно пытается их скрыть. Факты такой взаимосвязи основываются на давно открытом законе психофизической корреляции. Истоки психосоматической гипотезы восходят к трудам Г.Гельмгольца и ряда других ученых. И.М.Сеченов обосновал мысль об изначальном мышечном чувстве, о кинестезическом рисунке движений, присущим только человеческому телу; Ф.Соссюр писал о «даре речи», который укоренен в тело, имеет генетическую зависимость, а любое ментальное движение (впечатление, воспоминание и др.) вызывает моторную реакцию; двигательное раздражение, наоборот, приводит в движение сферу психики. Современный исследователь зависимости между почерком и характером отмечает, что все произвольные попытки изменить почерк не могут скрыть ни индивидуальные особенностей характера, ни психических переживаний человека. Какими бы старательными ни были попытки либо изменить буквы, либо старательно их вывести, — все это не помогает скрыть душевные переживания человека: в каждой извилине почерка они отражены точно в зеркале. Результаты изучения фактов такой корреляции показали на регулярность связи между типом почерка и типом характера. Анализ почерка талантливых людей самых разных профессий показал, что по почерку можно судить о таких чертах характера, как «надломленность и слабость воли в частной жизни, шлюбчивость и страстность»¹¹.

Уточнение природы языка тела шло по линии систематизации многообразия видов и форм несловесности. Все отмеченные разновидности — оптико-кинетическую, паралингвистическую и экстралингвистическую, организацию пространства и времени, систему визуальных контактов — принято относить к *внешним* несловесным актам¹². Будучи открытыми, такие акты несут «открытую», непосредственную информацию, с их помощью осуществляется межличностная коммуникация. «Прямое» знание о текущих

субъективных состояниях является, как правило, осознаваемым (произвольным) состоянием. Коммуникативные кинемы – жесты, мимика, телодвижения – сознательно используются в расчете на наблюдателя. Существуют также и неосознанные (непроизвольные) жесты. Паралингвистические явления могут контролироваться либо частично, либо, как жесты и мимика, не контролироваться вовсе. К числу последних относятся изменения кожных покровов лица, звуковые симптомы (плач, пронзительные крики), двигательные симптомы (дрожание рук, губ и др.). Жесты, сопровождающие речь, несут определенную информацию, но являются непроизвольной информацией. Движения, направленные на говорящего – покачивание головы, приглаживание волос, или же – кручение карандаша, пуговицы и пр., – все это язык имплицитной коммуникации.

Существуют и такие жесты, которые помимо информационного содержания несут с собой и план содержания. Скажем, указательные жесты (кивок головы, разведение руками и т.п.) позволяют выделить некоторую часть пространства вокруг говорящего; у изобразительного жеста есть реальный прототип, внешние конкретные признаки которого стремятся передать жестикуляцией. Планом содержания обладают и осмысленные движения, основанные на практическом интеллекте: например, действия шофера при повороте рулевого колеса; ручные операции женщины, которая вяжет чулок и т.п. Такой не осознаваемый язык называют «мышлением руками». Многие из таких действий осуществляются автоматически, то есть без запоминания каких-либо подробностей, помимо самого факта наших действий. Это часто случается, когда мы, например, закрываем дверь или оказали кому-то помощь на улице.

Говоря о неосознаваемых жестах, отметим один «литературный случай». Писатель-символист Андрей Белый в ряде ситуаций, смертельно опасных для его жизни, способен был к бессознательным действиям, которые оказывались столь адекватными ситуации, как будто он до этого

знает, как нужно было действовать. Это знание писатель называл «спинным» (идущим от позвоночника) умением проникнуть, поглядеть «в зону бессознательного». Так с помощью «глубочайшего бессознательного жеста» — высокого прыжка, с последующими поворотом волчком и кувырком в воздухе — ему удалось выскочить из-под уже наехавшего на него трамвая. Не менее опасный случай произошел с писателем, когда его нога оказалась в лапах у медведя. Сам А. Белый считал, что только «темный язык бессознательных действий» помог ему избежать роковых последствий: «рука его знала то, чего сам он не знал»¹³. Сенсорный опыт, по словам Р. Арнхейма, «не всегда сознателен. И уж наверняка он не всегда сознательно запоминается»¹⁴.

Многие жесты по своей природе носят конвенциональный характер, что, как правило, фиксируется в инструкции или устном договоре. Конвенционально ориентированные не-словесные акты, в том числе и ритуальные, относятся к группе осознанных. Конвенциями являются жесты и мимика, форма и функции которых предварительно согласованы и осознаются. В самом деле, корреспондент должен заранее знать смысл того или иного действия, его форму и содержание, поскольку конвенциональные сигналы предназначаются для целей коммуникации. Так знак приветствия может быть выражен с помощью разных жестов в зависимости от культурно-исторической традиции. Уроженец Тибета, например, встретив незнакомого, показывает ему язык, желая таким знаком приветствия выразить: «у меня на уме ничего нет дурного». Тот же жест у индейца племени Майя служит для обозначения мудрости человека; у индуса — это знак гнева, у китайца — угрозы, а европеец таким знаком транслирует насмешку, поддразнивание¹⁵. Покачивание тростью может быть предупреждающим знаком, а передача вещи — подарком. Но чтобы понять это, человек должен хорошо знать, какое значение придавалось покачиванию тростью, что имелось в виду при передаче вещи. Только при условии конвенциональности такой акт может выполнять роль «пре-